

Серия: Жизнь Обыкновенных Людей в Замечательное Время

И. Снин

Котлета по имени Жизнь

Москва, 1996, изд-во АДС - АСНІЕА

С-нин И. М. Котлета по имени Жизнь. — Москва: АДС-АСHINEA, 1996. — 44 с.

В книгу вошли давние и не очень давние произведения И. С-нина, широко известного в узких кругах специалистов по проблемам оптимального выбора (секретарши), многорукого бандитизма и разделению струй. Созданные им запоминающиеся образы “отличника Ронина”, “куриной лапы Пресмана” достойно встали в одном ряду с “майором Прониным”, “рукой Марадоны”, и зажили самостоятельной (и неплохой!) жизнью.

Вынужденный в последние годы зарабатывать на жизнь тяжким трудом профессора математики в одном из захолустий Нового Света, С-нин до сих пор продолжает (и, надеемся, будет продолжать) радовать своих многочисленных читателей, почитателей и перечитателей новыми яркими произведениями.

Издание осуществлено за счет средств, сил и здоровья автора, издателя, компьютера, принтера и прочих аксессуаров.

© Издательство АДС - АСHINEA, 1996 г.

© Перевод с русского на английский и обратно автора, 1996 г.

*Посвящается Наташе С-ниной**

Вместо Предисловия

Шесть рассказов, лежащие перед вами, были написаны в начале 80-х годов (нашего Ха-Ха века) и были предназначены для устного чтения, что я изредка и проделывал в кругу друзей или хороших знакомых. Сейчас, в 1995, я дописал “Прогулку Далеко”, а в остальных просто расставил побольше запятых и абзацев, пытаюсь намекнуть, что многочисленные паузы при чтении вслух делали рассказы гораздо интереснее, чем они кажутся написанными на бумаге.

И. М. С.

* Жена и по совместительству Муза автора

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ИСААКА МИХАЙЛОВИЧА С-НИНА В ВОСЬМИ КОСТЮМАХ, ДВУХ ПИДЖАКАХ И ЧЕТЫРЕХ ДРУГИХ ПРЕДМЕТАХ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

*Что слава – яркая заплатка
на ветхом рубище певца.
А. С. Пушкин*

Небольшое предуведомление читателям, почему автор написал
свою историю так, а не иначе

Набросать небольшие автобиографические зарисовки мне хотелось давно, но, во-первых, все недосуг, а, во-вторых, боялся соврать, что часто бывает, когда люди пишут о себе. А я с годами стал плохо переносить вранье, и в первую очередь собственное. При моей же форме изложения я буду опираться на такие факты биографии, большинство из которых до сих пор можно пощупать руками. Согласитесь, что это придает рассказу особую достоверность. И, наконец, перечтите эпиграф. У гениев случайных метафор не бывает.

Посвящаю эти записки моим родителям — Екатерине Павловне З-вой и Михаилу Яковлевичу С-нину, своим не легким трудом оплатившим большинство приведенных ниже фактов моей биографии

Пролог

Костюмчик 1. *Красный, бархатный*

Сорок шестой, а может быть и сорок седьмой год. В разговорах взрослых мелькает слово “трофейный”. Чаще всего трофейными бывают часики, но помню, что видел и трофейный платяной шкаф. Дядя подарил моим родителям трофейный отрез. Из него сшили бархатный костюмчик. Бархат — алый и очень мягкий. Если его погладить, ровный алый цвет распадается на несколько оттенков, от серебристо-красного до темного, ночного. Короткие, до колен штанишки с бретельками, курточка с большими белыми пуговицами, широким воротником и подкладными плечиками. Костюмчик надевался по праздникам, на дни рождения и по приходу гостей. Все это бывает не так уж часто. Я вырос из него, а он и не истрепался. Через тридцать с лишним лет он был с торжеством вынут из еще более старого чемодана и примерен на моего старшего сына, Костю. Но, хотя бабушка Устинья и восклицала, всплескивая руками, “Ну, вылитый принц!”, костюмчик Косте не понравился и носить его он решительно отказался. Наверное, интуитивно почувствовал, что в семидесятые годы костюмчики из трофейного бархата не в моде.

Костюмчик 2. *Коричневый, с карманчиками*

Мой второй костюмчик тоже приехал из Германии. Его привез папин приятель — М-ченко. Костюмчик потряс мое воображение. Мне сказали, что он сделан из бурого угля! Он и цветом был немного коричневый, но главное — не мялся. Я даже демонстрировал это близким друзьям. Возьмешь полу, помнешь ее, помнешь, отпустишь и она снова как выглаженная. Но, может быть, самое главное, это был уже не костюмчик, а настоящий мужской костюм. С внутренней стороны пиджака с замечательной шелковистой подкладкой было два маленьких карманчика, как у взрослых. Брюки длинные, со стрелкой, не на бретельках или помочах, а на подтяжках (а какой музыкой возмужания звучал этот ряд — бретельки, помочи, подтяжки), так вот, брюки тоже были все в карманчиках. В этом костюме прошло (по праздничным дням, разумеется) все мое детство, отрочество и немалая часть юности. Сносить его я не успел и хотя рос очень медленно, все-таки и из него вырос. Это был один из моих лучших костюмов. Даже жалко, что в нем я не женился.

Отступление 1. *Бушлат*

Пришла пора идти в первый класс. А что надеть? В эпохе было какое-то шатание. С одной стороны, бедность послевоенная, одевать особенно нечего. Да и что собственно должны одевать советские школьники в школу? Это сейчас ответ сам на язык просится — форму, а тогда не просился. Ведь не фуражку же с околышем, как какие-нибудь кадеты до революции. А с другой стороны, руль государственного корабля после войны немного повернулся. Слово “космополит” стало очень ругательным. (Зарядно исчезло слово “коминтерн”.) Как раз в это время выяснилось и мы потом учили в школе, что в России поехал первый паровоз, полетел первый самолет, впервые заговорило радио, впервые выросли яблони с большими мичуринскими яблоками, и вообще трудно было сказать, что, собственно, открыли не у нас. Наш Вождь был самый мудрый, а ведь многие страны вообще не смогли найти Вождей. Снижение цен было каждый год, и очень много людей (и не только военных) носило форму. И вот в воздухе появилось какое-то дуновение, что с нового учебного года школьники тоже будут носить форму, как в старой гимназии. Но постановления никакого не было, а главное, ничего похожего и не продавалось. Родители думали, советовались между собой и шили и покупали, что могли. Мама купила мне нечто похожее на китель, только очень маленький и темно-сине-

го цвета. Я сначала сказал, что носить не буду, так как это никто не носит, но родители очень ловко нашлись. Они сказали, что это бушлат, морской бушлат. Я сначала посомневался, потому что на матросах таких не видел, но надел. В школе тем временем состоялось родительское собрание. На нем сказали что форму нужно сшить самим, черную, с гимнастеркой, а не с кителем (чтобы все-таки не походить на гимназистов). Мама так и сделала, а китель-бушлат верно прослужил мне все мое детство в нашем дворе. Иногда ребята меня спрашивали, что на мне надето, и я спокойно и уверенно объяснял, что это бушлат, но не матросский, а боцманский.

Костюм 3. Неудачный

Родственников у меня всегда было много. Большинство из них, слава богу, живы и сейчас и все заслуживают отдельного рассказа. Но к костюму 3 прямое отношение имеет только один — покойный муж моей родной тети Нюры, И...ль М...ович. Жили они неподалеку от нашей 2-ой Мещанской, рядом с Трубной. Мы иногда ходили к ним в гости пешком, через Колхозную площадь. Каждый раз, показывая на площадь, взрослые объясняли, видно это им крепко запомнилось, что раньше здесь был громадный рынок - толкучка, Сухаревка, а еще раньше, но тоже в советское время, стояла Сухаревская башня, которую потом снесли, потому что она мешала уличному движению. Кстати, сейчас ее собираются восстанавливать - по фотографиям начала века. Мне нравилась ширь асфальта на спуске от Колхозной к “Форуму” (мы всегда говорили Форум, а что такое форум и вообще не знали), но смутно я чувствовал, что когда здесь стояла башня, а вокруг была шумная толкучка, то было веселее и было жаль, что я никогда этого не увижу. Впрочем, эта мысль относилась к тем туманным движениям детской души, которые настоящими мыслями даже и не стали, но которые потом, по прошествии многих лет, я признал за мысли и довольно неглупые. А главное, в отличие от взрослых мыслей, это были мои мысли, пришедшие из глубины моего детского существования. (Если у меня снова выберется время, я расскажу о них в другой части своих мемуаров под названием “Прозрения детства или о некоторых таинственных явлениях детской психики”. Здесь же для примера я упомяну только о том странном списке генералиссимусов того времени, который я составил (к счастью, в уме) в результате бездумного чтения журнала “Крокодил”. Кроме нашего Вождя, в него вошли Франко, Чан-Кай-Ши, Ли Сын Ман, Трухи-

льо и кто-то еще, такой же. Даже на ребенка этот список навевал странные выводы.)

Но вернемся к костюму 3. И...ль М...ович работал в Универмаге, в отделе готового платья и занимал там небольшой пост, что-то вроде заведующего секцией. Его там очень ценили, потому что в отличие от других продавцов, он стал продавцом еще не то до революции, не то при НЭПе. Вообще облик И...ля М...овича с его крупным, несуетливым лицом, с добрыми интеллигентными манерами, плохо вязался с обликом тех продавцов, которых я видел в магазинах. Было ясно, что раньше, в те далекие времена, профессия продавца была чем-то совсем другим, чем сейчас.

Большие покупки тогда делались редко и уж если кто-то из С-ниных покупал костюм, то шел обычно к И...лю М...овичу. Это было что-то вроде фирменной гарантии. Костюм не “оставлялся” и не продавался из-под полы, просто И...ль М...ович сообщал, когда будет завоз и помогал его выбирать. Но, тем не менее, почему-то мой костюм 3 оказался неудачным. Он тоже был импортным, это шло в плюс, но какого-то унылого цвета, нечто вроде серозеленого с тусклыми синеватыми проблесками и ужасно сутулым пиджаком. А ведь я, из-за своего маленького роста, держался очень прямо и в итоге пиджак на мне топорщился, а грудь все равно казалась впалой. Так нам с мамой сразу и показалось, что костюм не очень хороший (о сравнении с костюмом 2 даже не хочется говорить). Но магия фирмы была столь могучей, что оспаривать дядино мнение мы не решились. Да и то сказать, другие костюмы в магазине, наверное, были еще хуже, а может их и вовсе не было, я не помню. Костюм прослужил мне очень долго, сначала один, а потом вместе с костюмом 4, старшие классы, почти весь институт и кончил свои дни, как и большинство других, в гараже, где брюки от него можно увидеть и сейчас.

Костюм 4. *Серый*

Куплен в девятом или десятом классе. Это был хороший костюм, настоящий верный товарищ. Светло-серый, а серый — мой любимый цвет, а главное, в нем я провел очень подъемные года моей жизни. Он опять таки был импортный, кажется, чехословацкий, очень крупной фактуры, так что на нем хорошо были видны нитки и целые узелки. Дешевый, но из любимых. Грудь и плечи были широковаты, но именно в нем на олимпиаде в десятом классе я получил третью премию и само собою определилось, что поступать я буду на мехмат. В нем я и поступил.

Отступление 2. *Гутенов клетчатый пиджак*

Не знаю почему, но 1 сентября 1960 года, когда первый раз я должен был студентом идти в университет, мне нечего было надеть. Наверное пиджаки от костюмов 3 и 4 остались на даче. А, может быть, я ночевал у Гутена - так называли моего близкого друга, Витю Г-ра. В общем, я пошел в МГУ в Гутеновом пиджаке. Он был мне велик, в крупную темную клетку, довольно мятый. К нему вполне подошли мои длинные растрепанные волосы, редкие, светлые, небритые с десятого класса усики, и глаза, горящие от восторга новых впечатлений. И вот мы сели слушать вступительную лекцию в большую университетскую аудиторию — 02. А сколько мы потом прослушали в ней лекций! В перерыве ко мне подошел, безусловно привлеченный Гутеновым пиджаком, корреспондент мехматской стенной газеты и задал стандартный вопрос: Что больше всего понравилось вам на мехмате в первый день? Я не задумываясь ответил “то, что я сюда попал”. Он щелкнул камерой и через неделю на стене 14-го этажа в стенной газете среди прочего можно было увидеть и большое фото с моей довольно безумной в полоборота рожей, крупную клетку Гутенова пиджака и подпись с вопросом и моим ответом.

Хотя на пьянках у Гутена, которые на первом курсе были у нас по субботам довольно регулярным делом, пока он не женился, я часто надевал его клетчатый пиджак, сюда он попал лишь за воспоминание о первом мехматском дне.

Отступление 3. *Китайский ватник*

Как ни странно, но в свои студенческие годы я обошелся костюмами 3 и 4. Причиной этому отнюдь не скупость моих родителей. Они не баловали меня, но я не помню в своей жизни случая, чтобы я просил у своих родителей на что-то денег, а они мне не давали, а наоборот, было и не один раз! Дело в том, что хорошо одеваться я не умел, не любил и даже считал зазорным. Считал, что хорош и так. Глупо, конечно, глупо. Но вернемся к делу. После первого курса мы поехали на целину. Перед самым отъездом зашли с мамой в магазин и мама купила мне китайский ватник “Дружба” (подразумевалось, что с нами. А может быть это только мы под-

разумевали? Кстати, сейчас на таких ярлычках слово “дружба” написано по-английски). Китайский ватник совсем не похож на наши, российские, с толстыми прошитыми полосами. Этот — гладкий, темно-синий, с маленьким меховым воротником. Он хорошо послужил мне и на целине и потом во многих походах. Зимой после целины я стал носить его в МГУ как зимнее пальто. С гордостью я встретил и потом рассказывал своим друзьям два эпизода. Прихожу утром в университет с главного входа, а обычно с клубного, гардеробщица мне говорит: “Рабочие у нас внизу раздеваются”. Второй — встречаю по дороге Таню К. (на студенческих каникулах я за ней в доме отдыха приударял). Она смотрит на меня и говорит: “У тебя что, субботник сегодня?” Ватник этот в боевом строю. Кто со мной осенью в совхоз поедет, может на него посмотреть.

Отступление 4. *Зимнее пальто с каракулевым воротником*

Эта моя гордыня, наверное, и привела к тому, что родители надумали одеть меня в хорошее зимнее пальто. У Госплана есть свое ателье, помимо многого прочего своего. Маме дали талон на пошив пальто и она привела меня в ателье на Спартаковку, с которой мы всегда в пионерский лагерь на автобусах уезжали. Из длинного ряда висящих образцов выбрали серый, мягкий и благородный драп. (Слово-то какое буржуазное.) Стали выбирать покрой. Мама и закройщик тянули меня в строгую классическую форму и затянули. Еще я пытался отспорить фасон и ширину каракулевого воротника. (Это уже после того, как меня на каракуль уговорили.) Я хотел поуже, по-молодежному. У меня было такое представление о молодежном. Нет, с мамой моей трудно спорить. Сдался. И вот уже двадцать зим я ношу это пальто и надо сказать, на нем достигается максимум моей респектабельности. Каракуль немного вытерся, слегка прохудилась подкладка, но драп - это драп и в ближайшую зиму вы можете на него полюбоваться.

Костюм 5. *Летний, пижонский*

Мои нелепые представления о моде мне полностью удалось реализовать на втором и до сих пор последнем изделии, сшитом для меня в ателье. Папе тоже захотелось внести вклад в мой гардероб и он привел меня в ателье, где нам должны были сшить по летнему костюму из полотна.

Брюки как брюки, а пиджак какой? Мне показалось очень элегантным сделать его без воротника, с вырезом, а оттуда чтобы смотрела рубашка с высоким стоячим воротником. Закройщик и папа долго уговаривали меня выбрать другой фасон, но я был непреклонен, меня еще жгла обида за широкий каракулевый воротник. Костюм этот цел. Носил я его очень мало. И даже не из-за этого дурацкого отсутствующего воротника. Просто в жизни оказалось не так уж много таких летних дней, чтобы носить этот пиджонский летний костюм 5.

Костюм 6. Свадебный

Конечно, мой рассказ не претендует на полноту и непрерывность. Многие из моей жизни остались за бортом моих костюмов. Я познакомился с Наташей в шерстяном свитере (любимом, домотканом, доставшемся мне от погибшего на фронте дедушки, и если бы его не засунули один раз в стиральную машину, его бы и сейчас было бы нестыдно надеть), ухаживал за ней, к ужасу ее бабушки, в каких-то ковбойках, но уж жениться ни в одном из костюмов 3, 4, 5 я никак не мог. Поэтому, подав заявление в Загс и получив талончик в салон для новобрачных, о чем в паспорте была сделана маленькая, но вполне различимая завитушка, мы пошли покупать костюм 6. Он оказался, наряду с костюмом 2, вершиной моих костюмов. Голландский, стопроцентно шерстяной, темный в небольшую благородную клетку, с тремя внутренними карманчиками вертикально расположенными на левой поле пиджака и одним на правой, украшенный фирменным знаком золотого льва. Наверное, стоило носить его почаще, а не только по торжественным случаям. Он в хорошем состоянии и занимает почетное место в нашем платяном шкафу, но ширина и форма брюк сделали его в наши дни невозможным. Впрочем, пиджак от него можно увидеть на мне по торжественным дням и сейчас, особенно на похоронах.

Костюм 7. Темно-синий, рабочий

Куплен в годы семейной жизни. Тоже импортный, чехословацкий. В нем нет особого шика, но я к нему привык и ходил в нем на работу. Подкладка у пиджака протерлась, но сверху ничего. А вот брюки пришли в такую негодность, что я надеваю их только в очередь за молоком.

Пиджак 1. Немецкий, серый

Почему-то я долго мечтал о том, чтобы купить отдельно пиджак. Но никак не удавалось. Пиджак 1 неплохой, но это вовсе не исполнение моей мечты и даже не ее эрзац. Просто, чтобы костюмы 6 и 7 меньше трепались, часть жизненных ударов этот пиджак принял на себя. Сейчас я ношу его только дома и все реже. Зато все чаще спит на нем наша собака Буня.

Костюм 8. Летний, коричневый, для загранпоездки

В позапрошлом году я впервые в жизни поехал в загранкомандировку, в Болгарию, на четыре дня, на симпозиум по управлению. По этому случаю мы с Наташей пошли в магазин и купили мне полуботинки и светло-коричневый импортный, чуть мне маловатый костюм. Он в строю и летом и ранней осенью увидеть его совсем не трудно.

Пиджак 2. Вельветовый

Это щегольский пиджачок. Куплен в прошлом году в загрантурпоездке в Румынии. Цвет — темно-зеленый, болотный, материал — китайский вельвет. Даже воспоминание о встрече с нищим румынским крестьянином, который в запыленном вельветовом пиджаке вел коня с телегой, не способно испортить мне удовольствия от обладания пиджаком 2. Я охотно надеваю его в гости и принимая гостей, часто хожу в нем на работу. На встречах с одноклассниками после многих лет разлуки, каждый из них сразу видит, что хотя отличник С-нин и не достиг в жизни особых вершин, но в то же время, он не проявил и столь незаурядных качеств характера, такой честности и порядочности, которые привели бы его на дно жизни.

На этом мое краткое жизнеописание подходит к концу. Надеюсь, я не очень утомил своих читателей. Конечно, это не полная история моей жизни. О сколь многом я умолчал! Вот хотя бы рубашки. Как приятно холодили кожу холщевые, ночные, в которых мама укладывала меня спать, чтобы потом присесть рядом со мной с тетрадкой немецкого языка, который она тогда учила. А прекрасная четверка венгерских клетчатых рубашек, купленных в ГУМе по совету моего арбитра элегантности Гутена.

Ведь в них прошли все мои студенческие годы. Они сносились до ничего и даже штопка и латанье моей любимой бабушки не могли спасти их. Плащи, куртки. О них, неблагодарный, я не сказал ни слова. А ведь они служили верой и правдой, им больше всего и досталось. Нижнее белье. Какой замечательный ряд получился бы из всех сношенных мною трусов, начиная от сатиновых пионерлагерных и кончая египетскими, стопроцентно хлопчатобумажными, истинно мужской конструкции. Кальсоны. О них можно писать сагу. Майки, носки. Боже, сколько можно рассказать о носках. Может быть, в них-то и заключена подлинная летопись каждой жизни. А детские панамки, школьные фуражки, кепки, зимние шапки и даже одинокая шляпа. Она, бедняга, не прижилась ко мне. До сих пор мне больно вспоминать белую мамину беретку, упавшую незаметно в воду и утонувшую когда я плыл на лодке по ИгнаLINE. Брюки. Это трудяги. О многих из них я мог бы рассказать, но немногие показать. И, наконец, сколько счастливых минут своей жизни я провел голым. Начиная с купанья в железной ванне, еще долгие годы хранившейся потом у нас на даче, и походов в баню с папой, и кончая взрослой семейной наготой.

Да, жизнь прожить — не поле перейти!

Май 1981г., больница АН СССР, палата N 605.

КАЖДОМУ СВОЙ ШАНС

(маленький сценарий большого приключенческого фильма)

Посмотреть хороший приключенческий фильм может каждый, но не каждый может получить от этого то удовольствие, которое он хочет получить. Вам, неглупому, интеллигентному человеку кое-что мешает. К примеру, вы смотрите известный американский боевик “Пушки Навароне” с Грегори Пеком в главной роли. Группа английских диверсантов должна в тылу у немцев взорвать дальнобойную батарею, мешающую проходу транспорта союзников где-то в Эгейском море. Уже через двадцать минут после начала фильма Грегори Пек с рюкзаком за спиной карабкается по отвесной скале высотой метров в сто, у подножья которой только что высадился с рыбацкой шхуны их маленький отряд. И тут Грегори Пек оступается и повисает, слегка раскачиваясь на веревке, привязанной к стальному крюку, вбитому в узкую трещину. Пек изо всех сил пытается подтянуться, чтобы найти опору, а крюк предательски пошатывается, покрывается и хочет вылезти совсем.

Весь маленький диверсионный отряд с замиранием сердца следит за их безмолвным разговором, да что отряд, замер уже и весь громадный кинозал, в котором вы сидите. Крюк шатается, Пек качается и тут ... тут вы очень некстати вспоминаете, что вы же смотрите двухсерийный фильм с Грегори Пеком в главной роли, а не прошло и половины первой серии. Может ли Пек грохнуть вниз? Нет, ни в коем случае. Главный герой, конечно, может погибнуть, но, в отличие от второстепенных персонажей, не ранее десяти минут до окончания фильма. Вы это прекрасно понимаете, и сразу же успокаиваетесь. Через минуту успокаивается и крюк, перестает качаться Пек, подтягивается, залезает на уступ, вытирает пот со лба, и маленький отряд вместе с большим залом облегченно вздыхает, а кое-кто даже пот со лба вытирает. Ваш сын-школьник и те простодушные зрители, которые минуту назад свято верили, что Пек был на волосок от смерти, получили от этого эпизода полное удовольствие, а вот Вы, Вы - неглупый интеллигентный человек, Вы его не получили. А ведь от приключенческого фильма, как и от всего в жизни, Вы, конечно, хотите получить полное удовольствие.

Ну что же, я попробую Вам помочь, предложив слегка измененный вариант сценария, который позволит Вам избавиться от тех глупых мыслей, которые так помешали в предыдущем эпизоде.

Итак, первые двадцать минут все в моем фильме происходит также, как и раньше, а вот когда крюк шатается, то он шатается, шатается, да и

напрочь выскакивает. (Вид с верхушки скалы на летящего вниз Пека.) Вы все равно спокойны, потому что ниже метров на десять должна оказаться маленькая уютная площадка, на которую герой упадет, не долетев до подножья. Нет, площадки не оказалось! Вы лихорадочно вспоминаете, как еще можно уцелеть, падая с высокой скалы. Пожалуйста, крупным планом ветка горной сосны, специально выращенная в расщелине, за которую герой мог бы ухватиться, пролетая мимо. Мог бы, но ... не ухватился! В следующем кадре подножье скалы, на которой нет ни груды старых матрацев, ни сугроба метровой глубины (для более взыскательных зрителей). И наконец, в кадре — фигура героя, распростертая у подножья. Вы слегка растеряны, но быстро приходите в себя, поскольку к лежащему Пеку уже спешат товарищи. Сейчас кто-то из них прижмет голову к его груди и воскликнет: “Он дышит!”. Дальше ясно. Товарищам придется оставить его в избушке лесника, где он очень неплохо проведет всю оставшуюся часть первой серии, в основном целуясь с его молодой дочкой. Если у нее есть муж, то придется захватить и часть второй серии, но в любом случае в решающий момент Пек вступит в бой - не с мужем, а с защитниками батареи.

Но нет, товарищ, прильнувший к груди Пека, молча встает и безнадежно качает головой. И вот уже тело погибшего, завернутое в плащ-палатку, опускают в наспех вырытую неглубокую могилу, забрасывают землей и водружают небольшой, грубо сбитый деревянный крест. Постояв минутку в молчании, товарищи Пека уходят дальше. Довольная длинная панорама могилы с крестом, на которую, признайтесь, Вы, неглупый интеллигентный человек, смотрите с большим недоумением. И все же ваш изобретательный ум подсказывает вам, что еще не все потеряно. Через какие-нибудь полчаса на могилу Пека должен нагрянуть с овчарками отряд немцев, идущий по следу высадившихся диверсантов. Они раскопают свежую могилу, все же обнаружат в теле Пека следы жизни и возьмут его на свою голову в госпиталь. На свою голову, потому, что теперь вдобавок к налету на батарею, они получат и налет на госпиталь. А если налета не произойдет, то Пек, несмотря на то, что будет весь в гипсе, и сам смотается из госпиталя в казенном опеле, прихватив с собой генерала с ценными штабными картами, а заодно и молоденькую медсестру (и это тоже несмотря на гипс).

Но в моем фильме не будет ни избушки лесника, ни госпиталя и чтобы убедить Вас в этом, наряду с дальнейшим продвижением диверсионного отряда к цели - задание командования будет выполнено и в моем фильме, время от времени вы будете видеть одинокий деревянный крест на могиле Пека (иногда крупным планом, иногда издалека). Это, может быть, и

придаст фильму несколько грустноватый оттенок, но позволит вам получить полное удовольствие от всех его эпизодов.

Вы хотите возразить, что пришли смотреть приключенческий фильм с Грегори Пеком в главной роли, а вместо этого он был предательски убит (да, предательски, вы настаиваете на этом выражении) в самом начале первой серии и поэтому вы все же не получили полного удовольствия. Что я могу вам ответить? Я вовсе и не уверен, что по моему сценарию будет снят фильм или что теперь главных героев будут убивать в начале фильма.

И все же, я надеюсь, что мой маленький сценарий принесет вам пользу. Когда в следующий раз вы придете в кинозал смотреть приключенческий фильм, и его герой повиснет над пропастью, или будет умирать от жажды в пустыне, или будет стоять под дулом пистолета, в голове у вас промелькнет мысль, а не поставлен ли фильм по сценарию этого сумасшедшего, который убивает главных героев в начале фильма. На минуту вы забеспокоитесь о его судьбе, сердце ваше по-настоящему забьется и в эту самую минуту вы и получите то самое полное удовольствие от приключенческого фильма, о котором так мечтаете.

ОТЛИЧНИК РОНИН

*Назвался груздем - полезай в кузов
Пословица.*

Ученик четвертого "Б" класса 254 школы ДОНО (так всегда писалось на тетрадях и означало Дзержинский район народного образования) - отличник Ронин был круглым отличником. Это подразумевало, что среди его четвертных отметок не было ни одной четверки, не говоря уже о тройках и, страшно подумать, двойках. Конечно, эти отметки имели право и действительно появлялись в его обыденной жизни и даже несколько оживляли ее. Тройки, впрочем, бывали очень редко.

Получив в первый раз двойку (это было во втором классе), отличник Ронин, придя домой, молча залез под кровать, зарыдал там, и несмотря на уговоры бабушки, сначала пообедать, а потом снова залезть под кровать и там рыдать, вылезать отказался. Ему пришлось пролежать там больше двух часов (плакать он, конечно, перестал) — пока мама не пришла с работы. Тогда он снова заплакал и сквозь слезы объяснил маме, что он получил двойку. Родители Ронина никогда не ругали его за плохие отметки, тем более плачущего под кроватью, и мама довольно быстро уговорила его вылезти из-под кровати и пообедать вместе с ней. Двойки все-таки временами выпадали и отличник Ронин снова залезал под кровать, но теперь это уже носило характер довольно добродушного ритуала и залезал он уже непосредственно перед приходом мамы.

В четвертом "Б" был еще один круглый отличник — Гутко, несколько простых отличников, два второгодника — двоечники Якубасов и Будыгин (они же Якубас и Будыга), а остальные примерно поровну делились на четверошников и троешников. Учиться в те времена было легко и пятерки отличник Ронин получал без особого напряжения, как, впрочем, и троешники свои тройки, и уж подавно без всяких усилий получали свое двоешники. Кажется, только четверошники учились с некоторой натугой, потому что мамы и учителя не теряли надежды сделать из них отличников. В третьем классе все вступили в пионеры, даже троешники и двоешники, только отличники первыми, а те последними. Впрочем, кажется, Будыга, как раз оказался первым пионером в классе, потому что вступил в пионеры еще в прошлом году.

Отличник Ронин был не только круглым отличником, но и примерным пионером, честно выполняя свои общественные поручения — рисо-

вал классный календарь погоды, был членом совета отряда и, это было уже потруднее, занимался с Будыгой и Якубасом русским и арифметикой, как единственный отличник живущий в соседнем доме. У них, кстати, он тоже многому научился. Второгодники вообще приносили в класс дух вольности и непокорства, который без них проявляется только в старших классах, да и то не всегда.

Отличная учеба и примерное поведение (выражение написанное на выдаваемой Ронину в конце каждого года похвальной грамоте с большим гербом и двумя портретами, Ленина и Сталина) вовсе не мешали ему быть в товарищеских отношениях со всеми одноклассниками, играть после уроков в футбол возле школы, а на его день рождения, хлебосольно устраиваемый мамой, приходила чуть не треть класса. Правда, особых друзей в классе не было, потому что у него уже были друзья из громадного на сорок квартир коридора серого, Госплановского дома, на пятом этаже которого он жил. А в общем все у Ронина было прекрасно и думал он, что такая накатанная школьная дорога будет тянуться до самого конца десятого класса, тогда казавшегося ужасно далеким. Однако в четвертом классе случились на ней ухабы и пришлось Ронина на них попрыгать.

Непосредственной причиной этой истории послужила любимая учительница Ронина — Екатерина Игнатьевна. Надо сказать, что с первой учительницей отличнику Ронину, да и всем "бэшникам", очень повезло. Екатерина Игнатьевна преподавала русский язык еще в гимназии, была человеком добрым и справедливым, а учителем знающим, строгим, и умела поддерживать дисциплину, не повышая голоса, что является для учителя даром особым. Отличника Ронина она очень любила и не раз, ставя в журнал очередную пятерку, говорила: мал золотник, да дорог. Правда, эта поговорка не очень радовала Ронина, потому что лишний раз напоминала ему, что он хоть и ловок и побороть его может далеко не каждый одноклассник, но на линейке стоит в классе последним, рядом с Гутко.

А заваyka вышла такая. Минут за пять до конца урока Екатерина Игнатьевна всегда записывала на доске домашнее задание. И вот однажды забыла. Все обрадовано промолчали и законно русский дома не сделали. На другой день Екатерина Игнатьевна сказала с упреком: "Почему же никто из вас не поднял руку и не сказал, Екатерина Игнатьевна, вы забыли задать домашнее задание. Эх, вы, пионеры". "И отличники" — добавил внутренний голос Ронину.

Прошло некоторое время и день забытого домашнего задания наступил снова. Кончается последний урок и за стеной класса, в коридоре появляется тот неясный, едва уловимый шумок, который безошибочно предвещает скорый звонок и взрыв голосов. Забыла, забыла Екатерина Игнатьевна про домашнее задание и говорит о чем-то другом, неучебном. Должен

встать пионер и сказать те самые слова. Но кто? Ну не троешник же, и не четверошник. Отличники чувствуют себя неуютно и переглядываются. Может быть отличник Семенов — он председатель совета отряда, да, кстати, и сын председательницы родительского комитета, поста в те годы немаловажного. Но отличник Семенов всем своим видом решительно показывает, что это все не в счет, что он всего лишь простой отличник, а такое — дело круглых отличников.

И тут самая пора заметить, что в русском языке есть только два устойчивых фразеологических оборота, характеризующих личность, со словом круглый. Это — круглый отличник и круглый дурак, или, немного сильнее, круглый идиот. Случайностью такое замечательное совпадение быть не может. Объяснение одно — эти понятия глубоко родственны.

Вот поэтому отличник Ронин и поднимает руку. Екатерина Игнатьевна спрашивает его, в чем дело, и, поднявшись, в абсолютной тишине, отличник Ронин извещает свою любимую учительницу, что она забыла задать домашнее задание. Приняв это сообщение как нечто само собой разумеющееся, Екатерина Игнатьевна задает на дом два очередных упражнения и урок окончен. В некотором отчуждении Ронин выходит из школы и один из его приятелей неприятно нейтральным тоном сообщает ему, что все говорят, что если он еще раз кинет такую подлянку, то ему устроят облом. Что такое облом, толком никто не знает, но звучит страшновато.

Проходит несколько дней и роковая ситуация возникает снова. Все повторяется, с той лишь разницей, что все головы повернуты в сторону Гутко и Ронина и со всех сторон несется шепот: “Молчите, не то плохо будет!” Ронин и Гутко переглядываются. Взгляд Гутко без слов говорит, что - Да, это наше дело, мы должны это сделать и немного лучше будет, если это сделает Ронин. И среди круглых отличников есть свои оттенки. Встает более круглый — Ронин.

В безмолвии диктует Екатерина Игнатьевна домашнее задание. Неужели она не слышит, какая тишина в классе, неужели не понимает, что со мной будет, думает Ронин. Когда Ронин медленно одевается в вестибюле, его одноклассники уже высказывают за порог. Что же делать и ... о счастливая находка, из вестибюля выходит какая-то учительница. Ронин пристраивается за ней в хвост и проходит школьный двор, встречаемый лишь грозными взглядами. Забегая вперед, надо сказать, что каждый раз, приходя в класс на другой день после очередного дня "Икс", Ронин уже не встречал ни упреков, ни недовольства. Что с возу упало, то пропало. Но этот день надо еще прожить.

Теперь в конце каждого последнего урока Ронин готов молиться, чтобы Екатерина Игнатьевна не забыла задать домашнее задание. И она, слава богу, не забывает. Но вот день "Икс" наступает снова. Теперь в воз-

духе не только шепот и записки, но и кулаки. Как затравленный смотрит отличник Ронин на отличника Гутко и не выдерживая шепчет: “Сегодня ты скажи”. “Нет, нет”, - также затравленно шепчет Гутко. Ну что же это такое, что же делать. Секунды тянутся медленно. Звенит звонок, но все же, с пересохшим горлом, отличник Ронин поднимает руку. Долго, уже совсем одетый, ходит Ронин по школьному вестибюлю. Со двора в дверь школы то и дело заглядывают его одноклассники и тут же исчезают, чтобы доложить остальным, что он здесь и никуда не делся. В голове Ронина внезапно всплывает другая любимая поговорка Екатерины Игнатьевны, которую она повторяет, разбирая чей-то открывшийся проступок. Сколько веревочке не виться, а кончику быть. Выходит, что к хорошим делам это тоже относится. Никто из учителей не выходит, да и не в этом дело. Прятаться нельзя. Ронин чувствует, что то, что он делает, имеет смысл только потому, что он действует открыто. С трудом Ронин открывает тяжелую школьную дверь и на негнувшихся ногах выходит на порог школы.

— Боже, что это?! Все громадное школьное крыльцо, его широкие каменные ступеньки и прилегающая часть двора запружена народом. Среди невысоких фигурок его одноклассников там и сям возвышаются фигуры пяти-, шести- и даже семиклассников и большей частью непростых, а второгодников. Многие с папиросами. На секунду шум и гам стихают. Сердце Ронина сжимается, ему почему-то хочется смотреть не на лица собравшихся, а куда-то вверх, на верхушки деревьев и крыши окружающих домов.

В наступившей тишине внезапно раздается хриплый, явно второгоднический бас: “Это что, ему что ли будет облом?”. “Да, да, это Ронин”, — звучат из толпы несколько услужливых голосов. Долговязый второгодник, которому принадлежит хриплый бас, с недоумением смотрит на Ронина. Хриплому буквально плюнули в душу. Почти двадцать минут, оторванный от любимой игры в расшибалку, на которую хорошим мальчикам не полагалось даже смотреть — ведь это же игра на деньги! — он проторчал на школьном крыльце, привлеченный разговорами об обломе какому-то Ронину, надеясь увидеть приятное зрелище, а может быть и самому размять кулаки. И вот он видит какую-то очкастую малявку. В голове хриплого медленно, по-второгоднически ворочаются какие-то шестеренки. Толпа почтительно внимает их безмолвному скрежету. Наконец шестеренки останавливаются и хриплый поднимает руку. — “Кто его тронет, получит ...ездюлей. Пойдем, малыш, я тебя провожу”. Толпа почтительно расступается и отличник Ронин триумфально проходит по школьному двору рядом с хриплым.

Да, это был бы неплохой конец для рассказа об отличнике Ронине, но жизнь имеет неприятное свойство продолжаться даже если в рассказе

стоит точка. Через три недели день "Икс" наступает снова. В классе уже нет привычного оживления и кипения страстей. Актерам надоели их роли, но переменить их нельзя. Угрюмо поднимает отличник Ронин свою руку, даже не глядя на Гутко, вжавшего голову в плечи, и угрюмо показывают ему свои кулаки одноклассники. После урока он медленно одевается, но уже не дожидается какой-нибудь учительницы и не надеется встретить своего хриплого друга. Никто не сможет защитить его, ни папа с мамой, ни высокая и сильная бабушка, на спине которой Ронин еще так недавно ездил "на казачках", ни учительница Екатерина Игнатьевна, ни пионерская организация имени Ленина. Так же угрюмо Ронин открывает дверь школы.

Тогда Ронин, к сожалению, не понимал, что и для его одноклассников устроить облом было делом нелегким. В четвертом "Б" никогда никого не били скопом, да и просто драки бывали очень редко. Кидались тряпками на переменах, боролись, бились после школы портфелями, иногда с т ы к а л и с ь, но бить никого не били. Самые отпетые и отчаянные — Будыга и Якубас держали в этой истории строгий нейтралитет. Во-первых, они показывали тем самым, что проблема "заданы уроки или нет" их абсолютно не волнует, а, во-вторых, как мы уже говорили, их связывали с Рониным особые отношения. Якубаса даже всегда приглашали на Ронинский день рождения, что, кстати, осуждалось многими дамами из родительского комитета. Троешники были большей частью народ смирный. Больше всего на Ронина злились четверошники и простые отличники.

Во дворе Ронина встретила небольшая кучка его одноклассников. Дорогу преградил никто иной как председатель Совета отряда Семенов.

— "За школу, за школу!" — закричали голоса и все потащили Ронина на задний школьный двор, перекопанный тогда большими ямами. Ронин вяло сопротивлялся. Легкие толчки в спину сопровождали этот переход. На заднем дворе наступило замешательство. Что делать с Рониным дальше, никто не знал. — "В яму его!" — закричал Семенов и стал толкать Ронина в яму. Все подхватили крик и стали толкать тоже. Ронин крепко ухватился за пальто Семенова, перед глазами почему-то очень быстро закрутился школьный двор, лица одноклассников, кучи земли, портфели, окна школы, и через минуту Ронин очутился на дне ямы вместе с Семеновым, которого по-прежнему крепко держал за пальто. Вокруг, на краю ямы стояли одноклассники. — "Будешь ябедничать?" — раздался чей-то голос. Ронин молчал. Он не знал что отвечать и боялся, что заплачет, если скажет хоть слово. — "А что ему делать?" — проговорил из задних рядов другой голос. "Он же круглый отличник." — "Ну, ладно, хватит с него", — закричал третий и это было уже глас народа. — "Давайте руки". Ронина и Семенова вытащили из ямы и все пошли по домам, причем Се-

менов некоторое время шел рядом с Рониным и предлагал ему донести его портфель домой, что было в четвертом "Б" высшим знаком извинения.

На этом все и кончилось. Дошли ли до Екатерины Игнатьевны какие-то слухи об обломе (Ронин не сказал родителям ни слова), изменила ли она методику учебного процесса или просто больше не забывала, никто не знает, но день забытого задания в четвертом классе не повторился.

Ну, а уже в пятом классе, в новой школе, где стали учиться вместе с девочками и начались первые увлечения, где стало много учебных предметов, а значит и учителей, где и робость перед учителями прошла, и пионерский галстук давно перестали гладить каждое утро, отправляясь в школу, и подумать было смешно, что кто-то, какой ни на есть отличник будет говорить *у ч и л к е* про незаданный урок.

Много воды с тех пор утекло. Но эта маленькая эпопея крепко вбила в голову отличника Ронина, который, кстати сказать, в пятом классе перестал быть круглым отличником, хотя простым отличником оставался еще долго и даже по инерции окончил с отличием университет, две простые истины.

Первая такая. Выпендриваться, рыпаться, выбиваться из общего строя не стоит. Надо быть вместе с товарищами, а не против них. Это и неприятно и страшно, и люди посильнее этого избегали.

А вторая истина такая. Если ты отличник, то слово "отличник" вовсе не из того ряда, что "двоечник, троечник, четверошник". Оно по другому закону образовано. Ему на пару, пожалуй, только слово "опричник". Отличник — это отличный от других, как и опричник - наопричь, на особицу. Так вот, если ты отличник, так и будь им.

Ну, а какой из этих истин верить, как и когда — это уже всю оставшуюся жизнь надо соображать по ходу дела.

КОТЛЕТА ПО ИМЕНИ ЖИЗНЬ

Не знаю как Вас, но меня всегда раздражал темный и повелительный стиль поваренных книг. Например, рыба Шофриньон. Возьмите то-то, то-то, варите так-то, так-то, разбейте ...держите...слейте. Снова долейте... и наконец, жарьте до готовности. Сразу миллион вопросов. Почему Шофриньон? Если это французское слово, то что оно означает. Если не французское, то какое. И что на этом языке означает? Почему сначала взбить, а потом держать на ледяной бане, а не наоборот. Почему бульон доливается через 10 минут, почему морковь шинкуется вдоль, а не поперек. Или, например, Тельное из рыбы. Слово наше, кондовое, очень похоже на нательное, но что означает и даже как произносится, тельное, или тельное. Хочется сказать автору, если знаешь, почему и как, то почему не пишешь, а если не знаешь, так сказал хотя бы, откуда списал рецепт. И интересно, как называется рыба Шофриньон во французской поваренной книге. Подозреваю, что Жигули или Астраханская. В общем, Русские горы в Америке, они же Американские в России, или рулетка по-русски, в которую никто из русских отродясь не играл.

Вот я хитрить и врать не буду. Я расскажу Вам рецепт котлеты по имени Жизнь и объясню, почему она действительно заслуживает этого названия, в отличие, например, от Киевской.

Чтобы сделать котлету по имени Жизнь, далее для краткости просто Жизнь, прежде всего нужно мясо. В старинных поваренных книгах под мясом обычно подразумевалась телятина. Лично я за свою жизнь настоящую телятину едал не так уж часто. Во-первых, несколько раз в детстве, когда ходил с папой в высокопоставленные гости, в зрелые годы встречаю ее на банкетах, ем в гостях у одних знакомых и пару раз мы покупали телятину заболевшему ребенку, но он ее есть не стал. Если Вы, дорогой читатель, в состоянии регулярно питаться телятиной, или наоборот, Вы вполне довольны готовыми котлетами 60 копеек десяток, то дальше можете не читать — вкуса Жизни Вы все равно не узнаете.

Итак, мясо. Далее под этим словом Вы должны понимать то самое мясо - говядину, которую Вы покупаете в магазине, конечно, постояв определенное время в очереди, и, главное, удачно в нее встав. Подразумевается также, что стоя в очереди Вы не журнал почитывали, а внимательно наблюдали за перемещением продавцов, как пустых, так и с мясом в ру-

ках, заранее облюбовали неплохой кусок (желательно лежащий не на виду), а также и несколько запасных вариантов. Женщин при покупке мяса волнует, чтобы кость была не слишком большой, а мужчины больше смотрят на его возраст. Ну что ж, Вы отхватили неплохой кусок, не темный, а значит мясо не старое, без серой каймы - не размороженное. Но в любом случае Ваш кусок состоит из кости, мякоти, пленок, жилок и жилочек. Берете мясорубку, нож и доску для разделки. Мясо обмываете, отделяете кость (для супа или для собаки). Мякоть, по возможности (у Вас ведь не вырезка), очищаете от пленок и жил и начинаете крутить через мясорубку. Одновременно Вы замачиваете в молоке слегка черствый белый хлеб (мягкий хлеб будет клеиться, черный придаст кисловатый вкус) и очищаете луковицу — она также пойдет компонентой в фарш. Крутите, крутите, крутите. Наконец, крутить стало невмочь, развинчиваете и очищаете мясорубку. Жилы с ножа и сетки удаляете и отдаете собаке. Часть мяса, не прошедшего через мясорубку, и не имеющего таких шансов, просто оставляете на разделочной доске. Снова крутите оставшееся мясо, хлеб и лук. Полученный фарш тщательно перемешиваете и сбиваете ложкой до получения однородной массы. Можно добавить сырое яйцо. Вкус будет слегка другим, так что это на любителя. Делаете котлетки не очень большие и не очень маленькие, обкатываете их в муке или в сухарях и шлепаете на раскаленную (обязательно раскаленную) чугунную (у нее более равномерный прогрев) сковороду. Через 10 - 15 минут котлеты готовы.

Эти котлеты называются “Детские”, потому, что они очень полезны детям, впрочем дети почему-то все равно больше любят сосиски, колбасу и пельмени. Но, конечно, Вы можете угощать ими гостей и есть их сами. На здоровье! Я и сам их часто ем.

Но вернемся к Жизни. На разделочной доске у Вас осталось несколько кусочков мяса, или точнее, то что осталось от мяса, которое Вы вынули из забившейся мясорубки. Выбросить их жалко, собака уже сыта. Берете эти кусочки, аккуратно слепливаете из них большую котлету и шлепаете на раскаленную сковороду. Эту котлету надо чаще переворачивать чем детские, потому, что в ней нет хлеба и лука и она может подгореть. Через 10 - 15 минут снимаете и можете есть.

Теперь почему это Жизнь. Да потому, что эта котлета в отличие от детской, обладает всеми свойствами настоящей Жизни. В общем, Жизнь — вкусная штука, особенно если тебе достался не очень старый кусок мяса. Ты получил ее не зазря, ты крутил и резал и взбивал, да и наслаждаясь ею, ты работаешь зубами и клыками, а иногда и руками. Съев ее, ты, с одной стороны сыт по горло, а с другой, думаешь, хорошо бы другую и помягче. Бывает, что попадается такой жесткий кусок, что просто в горло не лезет, но пенять не на кого, сам мясо выбирал, сам крутил, сам жарил. От-

дав “детские” котлетки детям или оставив гостям и вгрызаясь в Жизнь, ты чувствуешь моральное удовлетворение, которое неизвестно тем, кто всю жизнь ест “детские” котлетки.

Вот каков рецепт Жизни и вот почему она так называется.

Да, чуть не забыл. Соль и перец в Жизнь кладутся по вкусу.

Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ

Да, я и вправду хочу умереть. Но, не волнуйтесь, не сию минуту и не по-всякому. Не хочется, скажем, топтать по дорожке, на которой сначала не рекомендуют есть жареное мясо и соленые огурцы и питаться в общественных столовых, потом нельзя есть жареное мясо и соленые огурцы, потом не хочется ни того, ни другого, потом не хочется ничего и нельзя ничего, кроме минеральной воды и некоторых таблеток французского производства или, в крайнем случае, их югославского аналога.

Нежелательны также инсульт, опухоли головного мозга и прочая ерунда с головой, потому что я люблю читать книжки и хотел бы читать их до последних дней, а при упомянутом варианте расстройство зрения наступает значительно раньше. Печень, почки, кровь и лимфу жалко как старых друзей. Заболевания органов дыхания не подходят, поскольку я не люблю кашлять в общественных местах. В психических заболеваниях есть что-то привлекательное, потому что при них можно угаснуть незаметно для себя. Но жалко близких, особенно в часы свиданий. Часть заболеваний я отвергаю сразу из чисто эстетических соображений.

Ну, что же, остается обратиться к самому честному и преданному органу человеческого тела - к сердцу. Мало того, что оно не знает сна и покоя и как верный пес служит человеку всю жизнь, только сердце и способно подарить своему хозяину быструю и легкую смерть.

Итак инфаркт, естественно настолько обширный, что никакой необходимости в повторном нет, можно даже не приходить в сознание. Но, где и когда?! Конечно, лучше всего в постели, в объятиях любимой жены, часа в два ночи, когда от жизни ничего не надо.

Прекрасно, но ... не гуманно. Ведь утром жена проснется, а я - совсем холодный. Этот вариант с глубоким сожалением придется зачеркнуть. Конечно, кроме объятий жены в жизни есть еще много хорошего: родители, дети. Но приплетать их к своей смерти — ни за что, пусть они держатся от нее подальше.

Друзья, интеллигентные знакомые. Споры о крупных международных событиях и о судьбах, о судьбах... Если из-за всего этого волноваться, конечно помрешь, но стоит ли? Математика тоже хорошая вещь. Доказать сильную теорему и умереть. Но ведь доказать мало. Доказательство нужно записать и опубликовать. А кто будет оформлять акт экспертизы? И все уже звучит по-другому. Доказать сильную теорему, оформить акт экспертизы и умереть. А где напечатают? В нашем бледном институтском ротапинтере. А кто формулы вставит? Пресман, как курица лапой, нацарапает. Нет, не пойдет.

Конечно, очень заманчиво выглядит Поздний Крымский вариант. Это когда последние минуты жизни проходят в Крыму, в кипарисовой аллее над морем, где-то в мае месяце, когда розовые олеандры уже цветут, а будущие отдыхающие еще только пакуют свои чемоданы. И вот сидишь, разменяв девятый десяток лет, и коротко вспоминаешь прошедшую жизнь. Удивляешься, почему так много счастья приносят глупости в юности и так мало — разумные поступки в зрелые годы. Перебираешь две пачки писем. Одна от старых друзей и подруг. Некоторые письма пахнут духами, теми самыми, про которые обычно говорят, что их сейчас не делают. Другая пачка от многочисленной родни и потомков. Самое последнее письмо написано каракулями правнука. Сознаешь, что твоя смерть вызовет у всей этой большой компании лишь легкое чувство зависти. Вдыхаешь запах олеандров и видишь, как легкое невесомое облачко закрывает солнце, и от этого как будто надувается чем-то нежно золотистым и все твои воспоминания и размышления кристаллизуются в маленькую светлую цепь каких-то совсем случайных и пустяковых воспоминаний: как плывешь с папой и мамой по какому-то зеленому пруду и папа дает тебе погрести, как целуешься, сидя на бревне у потухающего костра, на котором стоит сковородка с жареными пескарями, уже давно превратившимися в приятно пахнущие угольки, как слушаешь на кухне рассказы бабушки, как жена купает маленького сына в пластмассовой ванночке и он улыбается тебе и теплой водичке, льющейся из кувшина ему на грудь.

И в этот момент узкий солнечный луч вырывается из облака и ... проходит прямо через твое сердце.

Красиво, заманчиво, но... это не для меня. Москвич, математик, ... года рождения, беспартийный, выписывающий еженедельник “За рубежом” и журнал “Химия и жизнь”, потребляющий эту химию с продуктами и проводящий часть этой жизни в очередях, имеющий жену-биохимику, непослушных детей и т.д. и т.п. — прекрасно знает, что позднего крымского не будет. Не дано!

В общем, инфаркт, но не в Крыму, а в Москве, и не в восемьдесят с хвостиком, а гораздо раньше, как ни царапает ухо слово гораздо. И если не в постели, не за письменным столом и не на скамейке над морем, то где же?

Пожалуй, из подходящего остается лишь большое футбольное поле - с зеленой травой и сильным противником. Право, футбол замечательная игра, хотя его и любят показывать по серому ящику, который в газетах называют голубым. Игра очень демократическая. Не нужно ни доступа к закрытому корту, ни дружбы с тренером по плаванию, ни лыж марки “Росиньоль” с одноименным маркером. Игра очень честная. Врать ногами, да еще мужчинам, почти невозможно.

Теперь когда. Не раньше середины второго тайма. Первый, извините, я хотел бы отыграть и отыграть неплохо. Но наша команда все равно проигрывает. Против меня играет очень настырный, очень быстрый молодой парень. Все время финты, рывки, он постоянно перемещается по полю — я бегаю из последних сил. И вот точный пас ему на ход, он делает рывок, я за ним, я не успеваю, бегу и вдруг, ощущение, будто майка на груди лопнула и тут же понимаю, что это не майка, а что-то глубже. Зеленую траву почему-то показывают сразу крупным планом, обе ноги уходят куда-то вбок, кругом сразу темнеет, полная темнота.

Но это не конец. Точнее, мне конец, а игра не окончена. Она только прервана. Товарищи выносят меня с поля и кладут неподалеку от ворот противника. Я лежу бледный, смертельно бледный. Игроки противника, судья суется вокруг меня, одни хотят бежать за скорой помощью, другие делать массаж сердца, искусственное дыхание, снять бутсы, что-то подложить под голову. Но наш капитан с горьким выражением лица говорит: “Его последняя воля состоит в том, чтобы мы доиграли этот матч. Судья, пожалуйста, свисток”.

Против последней воли не попрешь. Игра возобновляется. Жаль только, что я не увижу лица вратаря, за воротами которого лежу. Мой опекун, которого я так и не догнал, все еще стоит со слегка открытым ртом — бегать, ходить, бить по мячу он не в состоянии. Защита противника в шоке, нападение не различает цвета футболок. Я никогда не узнаю, с каким счетом выигрывает моя команда, но она выигрывает. А значит, я умру победителем.

Ну, вот и все. Но хотя и мне, а теперь и рассказу конец, нужен еще небольшой постскриптум, маленькое замечание для редактора, для Главного Редактора. Я прошу его, если он сочтет мои планы глупыми и неуместными, покарать меня, но не трогать тех, кто мне дорог.

ПРОГУЛКА ДАЛЕКО

*Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу.
А. С. Пушкин*

Выхожу из почти пустого автобуса на последней остановке. Время далеко за полночь, но апрельское солнышко еще припекает вовсю. Справа, до самой Москва-реки тянутся ряды тонких, недавно высаженных прутьев. Слева, до самого горизонта, образуя пологий амфитеатр, тянутся громадные, не меньше чем в десять этажей, корпуса нового, на сто с лишним тысяч человек, района Москвы — Строгино. Спереди, за большим асфальтовым кругом, на котором разворачиваются автобусы, видны развалы светло-коричневого грунта, через которые тянется глубокая канава с уже уложенной, метрового диаметра газовой трубой. Рядом с ней, проложенная бульдозерами дорога ведет в то, что еще полгода назад называлось Госплановским Садам. Прыгаю, где можно, от одной проплешины посуше до другой, а где не получается, просто шлепаю по грязи. Налево от дороги еще видны полуразбитые стены каких-то сараев и наклоненные, с обломанными ветвями, большие яблони, справа все уже проутюжено бульдозерами, рыхлая, с ободраным верхним слоем, покато поднимающаяся земля, и только вдоль еще сохранившейся внешней ограды Сада тянутся два ряда высоченных, с шестиэтажный дом тополей. Когда же их посадили? Кажется, на четвертый год после основания. Значит им без малого тридцать лет.

Да, так и есть. Как раз в пятидесятом году, на эти невысокие, заросшие травой холмы, на которых в войну местному Госплана дали участки под картошку, госплановцы пришли сажать свой сад. Нарезали по 12 соток. Меньшей меры для садовых, не говоря уже о дачных участках, тогда не было. Разметили землю, набили по углам участков колья и стали ездить сюда каждое божие воскресенье (по субботам тогда работали).

Путь был неблизкий. Сначала ехали на метро до конечной тогда станции “Сокол”. Здесь, почти что на окраине Москвы, садились на 21-ый трамвай и с тогдашним приятным трамвайным звоном катили себе не-

спешно мимо нарядных двухэтажных дач Покровского-Стрешнево, мимо длинных кирпичных двух-, трех- и четырехэтажек, в которых жил московский рабочий люд, мимо приземистых избушек с огородами, опять же до последней трамвайной остановки — деревни Щукино. Деревня эта выходила к берегу Москва-реки, неподалеку от первого шлюза канала Москва - Волга. Здесь, под несколько недоумевающими взглядами деревенских жителей, госплановцы со своим воскресно-рабочим скарбом шли через деревню к пристани речного трамвайчика, официально именуемого речным теплоходом, а называемого всеми просто катером.

Мама, папа и бабушка с лопатами, сумками с запасом провизии и воды как всегда немного отстали, а я налегке, вприпрыжку пробегаю ряды акаций, ведущих к берегу, выскакиваю на аккуратно замощенную бульжниками набережную и вижу, что у пристани уже стоит белый красавец катер, а на берегу никого нет, все уже сели. “Мама, папа, бабушка, скорее, скорее, катер отходит!” Они припускаются бежать, а госплановцы, заполнившие катер, завидя своих, дружно кричат капитану, который в фуражке с золотым околышем, важно выпячивается из высокой с открытыми окнами рубки: “Капитан, погоди, погоди, немножко”. Широкий деревянный трап уже убран, катер мелко дрожит от мощной работы двигателя, но матрос вопросительно взглянув на капитана и получив важный одобрительный кивок, не спешит снимать чалку с толстого чугунного стояка с большой круглой шишкой. Я, бабушка, мама и папа поочередно перескакиваем через узкую щель, на дне которой плещется темная вода с масляными разводами и, задрожав и застучав еще сильнее, катер медленно отходит от пристани, дает низкий басовый гудок и делая широкий разворот, выходит на простор Москва-реки.

Конечно, как и большинство взрослых, я могу спуститься по крутой, настоящей морской лестнице вниз, в уютный нижний салон и там через круглый с медным ободком иллюминатор смотреть как совсем близко от меня будет пениться одна и та же неисчезающая волна, слушать густой стук двигателя, а если повезет, то и увидеть его блестящие от масла бока через приоткрытую механиком дверь, и вдохнуть приятный машинный запах, но гораздо интересней остаться на верхней палубе, усесться на полукруглую скамейку впереди капитанской рубки и придерживая кепку рукой и ощущая левой щекой набегающий свежий ветер, смотреть на правый берег, где расстилается бескрайнее поле Тушинского аэродрома с маленькими фигурками зеленых и серебристых самолетиков.

Через четверть часа этого замечательного плавания катер начинает прижиматься к высокому левому берегу, на круче которого лепятся косоватые домишки деревни Строгино, а пассажиры начинают суетиться и толпиться у левого борта. После короткой, но важной церемонии броса-

ния и закрепления чалки на небольшую чугунную тумбу, катер причаливает к строгинской пристани. Она находится в середине деревни. Поднимаемся на высокий берег и идем направо по широкой деревенской улице, проходим глубокий овраг с покосившейся керосиновой лавкой, в которую летом мы с бабушкой ходим за керосином, снова идем по деревне, проходим домик тети Тани, где мы снимали комнату в то лето, когда родилась маленькая Леночка и я помогал маме купать ее в маленькой цинковой ванне, гордясь своим умением лить теплую воду из кувшина на ее лобик, не попадая в растопыренные черные глазенки, а папа был в это время в командировке на Дальнем Востоке и прислал нам оттуда бандеролью два тома “Давида Копперфилда”, которые мама читала мне по вечерам, выходим на тропинку через поле, отделяющее деревню от Сада, летом на этом поле колосится невысокая пшеница, и наконец, вместе с длинной сильно растянувшейся цепочкой госплановцев, вползаем в Главные Ворота, рядом с Большим Сараем. Все участки видны насквозь, ведь еще ни дома, ни сараи, ни заборы не построены (и строить их категорически запрещено, как впрочем будет запрещено и тогда, когда уже все их построят), яблоньки и вишни торчат маленькими чахлыми деревцами, малина - безлиственными палками, а остальное кажется натканными безо всякого смысла прутиками.

Сейчас, когда я иду по размокшей глинистой дороге, все опять видно почти насквозь — меня окружает голая земляная равнина. Однако, пройдя по дороге еще метров сто, присмотревшись, я понимаю, что то, что от асфальтового круга казалось мне далекой линией горизонта — это громадный вал, воздвигнутый бульдозерами из снесенных яблонь, разбитых стен и земли. Залезть на него невозможно — слишком грязно. Дорогу вдоль газовой трубы пересекает другая, такая же глинистая и сырая. По ней можно было бы обойти, но сначала я хочу понять, где я стою. Вроде я должен быть где-то напротив Клятовского дома. Правее должны быть Тиньковский и Мирзояновский участки. Но они же были совершенно ровные, а я стою на пологом скате. Не сразу до меня доходит, что встретившаяся бульдозерная дорога не совпадает со старой, с настоящей. До нее еще метров 20. На чьем же участке я стою? Кто здесь жил? Как и на многих других участках хозяева сменились и построили новый дом. А раньше, раньше тут же стояла маленькая хибарка, а в ней, боже мой, тут же жила Верка. Сразу вспоминается то сумасшедшее лето, лето после восьмого класса. Днем отсыпались чуть не до обеда, а когда стемнеет — танцы под заводной патефон, а еще позднее и чуть ли не всю ночь играли в покер на деньги. Да какие там деньги, на старое серебро, по нынешним значит на медяки. А сколько страсти, сколько радости и отчаяния: такого азарта больше в жизни не было. Да, впрочем, я никогда и не играл больше

в карты на деньги. Видно тем летом все и сыграл. А вот где-то здесь мы целовались, когда я провожал ее после танцев. А потом пили наливку и снова целовались, но уже в их хибаре, где-то совсем рядом. В памяти услужливо всплывает медвяный запах летней ночи, наливки, Веркиных губ, бешеное стрекотание кузнечиков и молочный туман за оградой. Как приятно и сладко шумело в голове, кровь казалось шла по телу толчками, а вокруг только туман и кузнечики. А на следующее лето Верка уже не приехала к дяде. А потом я видел ее только два раза, но уже не худенькой диковатой девчонкой, а взрослой женщиной с литыми бедрами, и только глаза у нее остались раскосыми и смеющимися. Какая-то она сейчас? Ну, ладно, надо идти.

Прохожу по дороге направо до сохранившейся внешней ограды. Все правильно, вот мои тополя. Восемнадцать гигантов сразу выделяются из всего ряда казенных, тоже высоченных деревьев. Тот день, когда я с плачем дотацил тяжелую охапку саженцев от Большого Сарая до нашего участка, давно стал семейной легендой. Как и в каждой легенде большинство подробностей появились задним числом, но что я твердо помню, это что день был прекрасный, что плакал я не от тяжести, а от обиды, что никто не пришел ко мне на помощь. Дорога рядом с тополями сохранилась, я прохожу по ней дальше и с радостью вижу, что фасады всех участков, примерно на четверть их глубины, уцелели, хотя в заборах тут и там зияют огромные проломы.

Мимо родительского участка прохожу, стараясь не глядеть на него. Я заранее решил, что загляну на него на обратном пути, когда уже накопаю малины. А то как в прошлую поездку промаюсь на нем пока не стемнеет, подбирая обрывки каких-то писем, разглядывая старые “Огоньки” и пытаюсь выкопать старую иргу, не обрубив ее корни. Я иду по дороге, по которой тысячи раз я ходил на речку или к автобусу. Проходя мимо каждого участка, вспоминаю тех, кто там жил. Старик К-нов, — он ходил в старом засаленном авиационном комбинезоне, всегда приветливо заговаривал с бабушкой и со мной, а я, глядя на его небольшое, мягкое, с красными прожилками лицо, каждый раз думал: “Неужели этот человек на третий день после начала войны летал бомбить Берлин?” Старик Т-ьев, — он давно умер, а сын его, приемный, как говорили, сгорел здесь же в саду во время пожара. В последние годы он зашибал и появлялся в саду редко, какой-то угрюмый, набыченный. А ведь я помню его еще совсем мальчишкой, чуть старше нас. Сумароковский участок. Здесь жил покойный отец Сергея. Какой приятный был человек. Когда он разговаривал, на его крупном благородном лице всегда царил улыбка, даже в его последнее лето, когда он знал, что уже обречен. Здесь заборы уже повалены и за ни-

ми что-то белеет. Наверное, известка на остатках беленых стен. Дальше вроде тоже.

Переступаю через забор, подхожу к этой известке поближе и буквально разеваю рот. Передо мной земляной вал, из которого торчат стволы и корни могучих яблонь. И эти поваленные, изломанные, измочаленные бульдозерами яблони ц в е т у т. Пришла пора цвести и повинуюсь чему, какому голосу, какому инстинкту они буйно зацвели белым и розовым цветом. Корни у многих вывернуты и торчат наружу, но на них осталось много земли и она верно служит свою весеннюю службу, отдавая корням силы и соки. Да, весен двадцать я любовался цветущими яблонями, но такого цветения я никогда не видел и дай Бог больше не увижу.

Постояв неподвижно, тихо возвращаюсь назад, но иду теперь не по дороге, а вдоль заборов с внутренней стороны участков. Домов давно уже нет — хорошие перевезли на новое место по Казанской дороге, туда, где нам дали новые участки, уже по шесть соток, плохие — сожгли пацаны. Кругом навалено барахло. Какие-то ржавые лопаты, совки, поломанные детские игрушки, ведра, металлические решетки, деревянные столики, ящики, куски дермантина, какие-то детали и еще множество всякой всячины, что независимо от воли хозяев накапливается на садовых участках. А ведь еще совсем недавно все это честно служило своим хозяевам. Дети, приезжая сюда в мае после долгой зимы, с радостью бросались к прошлогодним и позапрошлогодним игрушкам, машинкам, кубикам. На эту обломанную мраморную плиту, наверное, ставили вымытую посуду, за круглым деревянным столом с пузатой резной ножкой летом пили чай под яблоней, проволокой подвязывали малину, в трехлитровой баклюхе хранилось вишневое варенье, в щербатую поллитровую банку собирали червяков с крыжовника, на толстом канате висели качели, а пузатая плетеная корзина помнит те урожаи клубники, которые собирали лет через десять после закладки сада, когда клубника вошла в силу, деревья еще не выросли и в июне все было залито солнцем, а энтузиазму было побольше. Может быть, какой-нибудь старинный рояль и продолжает жить после смерти своего хозяина, но с этими вещами все произошло по другому. Отставленные от дела, выкинутые со своих мест, потерявшие связь, они быстро превратились в груды ненужного хлама.

Ну ладно, малины, которую я ищу, здесь нет, надо где-то переходить канаву с трубой на дне. Нахожу место, где земля с обеих сторон сильно обвалилась и спускаюсь вниз. Стоя на газовой трубе и глядя на разрез канавы, я с удивлением замечаю, что черный слой плодородной земли, которую я только что месил, очень тонок - приблизительно сантиметр тридцать, кой-где чуть больше, максимум полметра, а ниже и так на всем протяжении канавы - чистый желтенький песочек. Получается,

что эти великолепные, в обхват яблони, у которых яблоки с верхних веток снимали четырехметровыми шестами со специальной розеткой на конце, эти вишни, у которых ягоды на верхушках оставляли птицам, потому что их не соберешь ни с какой лестницы, малина с большими бордовыми или желтыми ягодами, крыжовник, поев который по другому относишься к известному чеховскому герою, клубника, которая в жаркий июльский полдень так аппетитно лежала в большой миске, залитая немного не доверху молоком из погреба, цветы сотни видов и тысяч расцветок, выращенные женщинами на клумбах и вдоль дорожек, - все это выросло на тоненьком слое плодородной земли. Да и его то раньше не было. Он же вырос за эти тридцать лет. Сначала мужики возили навоз на подводах. Потом, когда в деревнях стали исчезать кони, коровы и куры, подводы тоже стали исчезать, но появились левые машины с левым навозом и торфом. Сначала их покупали только беспартийные и несознательные садоводы и беспартийные и несознательные члены семей партийных и сознательных, потом все. Как левые, так и правые удобрения сваливались у калитки. А дальше, садовод брал свою верную тачку с одним колесом и двумя ручками и начал привезенное добро разваживать по всему участку, с толком и разумением внося его в землю. Ну и конечно поливая все это своим потом, десять и сто раз перелопачивая землю на полштыка, на штык и глубже.

Вылезаю из канавы и попадаю в сравнительно уцелевшие места. По оставшимся деревьям и фундаментам домов видно, что я попал на полосу очень крепеньких хозяйственных мужичков. Хорошие кирпичные фундаменты, все как полагается, отдушины, изоляция в два слоя, в дома проложены водопроводные трубы. Домов то правда нет. Обнаженные фундаменты и темные провалы погребов. Погреба тоже дай Бог. Каменные лестницы, бетонные перекрытия, электрическое освещение. Очень, очень недурно. Здесь и малина должны быть неплохая. Так и есть, большая часть выкопана, но в углу кое-что осталось. Начинаю выкапывать. Очень хорошая малина. Мочка у каждого куста такая, что если землю не отряхнуть, так больше шести кустов не увезешь. Укладываю в рюкзак и просто ради интереса прохожу еще немного дальше.

Пролезаю через дыру в заборе, огибаю какую-то кухню и, как перед цветущими яблонями, вновь застываю, ошеломленный. Передо мной, окруженный со всех сторон перепаханной землей, огороженный крепким забором, стоит совершенно целый садовый участок, какими все они были еще год назад, с домиком, с кухней, с уборной, с аккуратными рядами смородины и с малиной по периметру. Забор вокруг участка укреплен сучьями, обмотан проволокой. — Видно, что участок в осаде, в настоящей осаде, ведь воду и электричество давно отключили. Ах, да, мама же говорила, это участок Котева, который сказал, что лучше здесь умрет, чем уе-

дет и всю зиму прожил на участке. Бульдозеры и трактора его объезжают. На них сидят люди. Может быть им жалко его, может быть не хотят связываться. Такой ведь и под бульдозер ляжет. Что делать? Подойти поговорить? А что я ему скажу? Что я тоже садовод, но только такой, что под бульдозер не ляжет и что я сочувствую ему всей душой, но приехал сюда за саженцами малины для нового участка. Стараясь не шуметь и опустив голову, я поворачиваюсь и ухожу.

Иду прямо по паханому полю. Сбоку выскакивает стая собак. Их масть и облик почему-то очень знакомы. Да это же потомство Дружка - черно-белого кобеля, который прибил к сторожу и через несколько лет был официально зачислен на казенное довольство. Неофициально он завел себе подругу и щенят. Это было давно. Теперь здесь бегают и внуки и правнуки. Дружка сторож может быть и взял на новый участок, но всю эту свору с собой не возьмешь. А характером они все были в Дружка, спокойные, умные псы. Днем никогда никого не облают, только хвостом помашут. Ночью немного погавкают, чтобы лихой человек знал, что собаки в Саду есть, а добрый понимал, что довольствие идет не зря. Сейчас, завидев меня, собаки поджимают хвосты и испуганно обегают стороной. Вид у них жалкий и дикий. Нам то, людям, каков этот разгром, а для них наступил почти что конец света. Весь свой собачий век они знали, что когда приходит зима и начинают летать холодные белые мухи, надо держаться поближе к сторожке, где можно и поспать в теплых сенях и пристроиться к миске с похлебкой. Весной беги к калитке и воротам. Садоводы валят валом. Узнают своих "госплановских" собак и редко кто не угостит куском бутерброда. Летом и совсем раздолье. Приходи на любой участок, где обедают на улице. Маши хвостом и смотри умильно на хозяев, лучше на маленьких. Накормят так, что брюхо заболит. Но этой зимой началось что-то страшное. Громадные рычащие звери с тяжелым неприятным запахом начали ломать заборы и калитки, а потом и дома и сгребать все в большие кучи. Потом они стали уничтожать дороги и заветные тропинки. Исчезли люди, сторожка и еда. Стали бросать камнями и бить палками. С миром случилось что-то страшное. Да, что-то страшное. Прощайте, милые псы. Как и последнему садоводу мне больше нечего вам сказать. И пора идти дальше, солнце начинает садиться.

К родительскому участку подхожу с тылу, со стороны "слона", так бабушка звала башнеобразного угрюмого соседа. Слон продал свой участок много лет назад. Новый сосед был невысоким и очень вежливым отставным военным, но бабушка, а за ней и мы упорно называли эту сторону света слоновой. Большая часть деревьев с нашего участка снесена и из их стволов, земли и еще нерастаивших обломков серого на поверхности льда на нашей границе со слоном бульдозеры воздвигли очередной вал. Я зале-

заю на него, начинаю переступать через громадные обломанные стволы и внезапно останавливаюсь: я узнаю их. Вот Мельба, росшая около кухни, у нее были замечательно краснобокие, крупные сочные яблоки, вот лежит Фарфоровая, ее яблоки были небольшими, необычно белого цвета, вот Антоновка, под которой папа ставил шезлонг, вот моя любимица — Корично-полосатое, ее яблоки имели очень необычный, слегка пряный вкус, красавица Китайка — яблоки на ней к осени становились янтарно прозрачными и необычайно вкусными, еще одна Китайка, но уже с маленькими красными яблочками, из которой варилось замечательное варенье, все яблочки оставались целыми. Сорт этой яблони был прочно забыт и она называлась “кольуборной”. Вот эта росла прямо на кухонной террасе. Террасу пристроили позднее, яблоню сохранили, прорубив в крыше окно. Ее яблоки были не очень вкусными, но так приятно было срывать их и есть стоя на пологой железной крыше, залитой солнцем. Большинство ветвей обломаны или измочалены ножами бульдозеров, но я ни одну не спутал. Это неудивительно. Я видел их двадцать с лишним лет и не просто видел. Когда-то мы с мамой их обрезали, формируя крону, потом я возил под них торф и навоз, перекапывал под ними землю, полол, осенью привязывал ловчие пояса для гусениц, мазал садовым варом трещины, а когда яблони стали громадными развесистыми деревьями, я даже лазил по крепким нижним веткам, собирая яблоки. Под ними играла Леночка, а потом Костя и Минька. Прощайте милые яблони. Не знаю в какой рай отлетят ваши бело-розовые души пахнущие вашими яблоками, но на этой садовой земле вы прожили свои жизни очень честно.

Слезая вниз, я зацепляюсь ногой за кусок какой-то оцинкованной трубы и чуть не падаю. Откуда она взялась? У нас же не было оцинкованных труб. Приглядываюсь повнимательнее и вижу, что это бывший поручень у крыльца. Я сам приладил его лет пять назад, когда бабушка стала иногда падать, запнувшись о что-нибудь и не в силах удержать на весу свое погрузневшее тело. Мы боялись как бы она не ударилась о кирпичное крыльцо. Подхожу к фундаменту дома. Под бывшей детской верандой валяются паркетины, которые ребята любили раскладывать на полу. Самодельный кораблик из проволоки. Кубики. Множество сломанных досок. Уж очень поспешно переезжали. Около крыльца сохранились кусты клубники. А вот грядка, на которой всегда сажали репу. На грядках под бывшими парниками уже зеленеют какие-то многолетники.

Слегка темнеет и вспомнив, что я хотел еще выкопать куст крыжовника, на котором росли маленькие черные ягодки, начинаю быстро его окапывать. Земля по весеннему набухла и у меня уходит больше полчаса, чтобы выкопать куст, обернуть его полиэтиленом и засунуть в рюкзак. Чтобы немного отдохнуть и оглядеться, не забыл ли я прихватить еще че-

го-нибудь ценного, присаживаюсь на большое бревно около сломанного гаража. Почему-то мне совсем не грустно. То шел по чужим участкам и чуть не плакал. А тут гляжу на руины сада и будто-то чему-то рад. Может быть тому, здесь не слышно привычного городского шума и очень тихо. А может быть тому, что солнце слегка опустилось за горизонт и его лучи так нежно освещают все вокруг, и приятно пахнет апрельской прелью.

И вдруг меня как будто пронизывает током, я внезапно понимаю почему у меня радостно на душе когда я гляжу на эту разруху. Ведь бабушка умерла прошлой весной, в марте, а ломать сад стали прошлой осенью, и она умерла ничего не зная о его нынешней судьбе. Она не видела и никогда не увидит того что вижу я. Когда своей последней осенью бабушка приезжала в сад, она видела его могучим красавцем, хотя и ворчала, что все заросло и работать некому. Я вспоминаю как ее отпевали в церквушке на Ленинских Горах и как ее хоронили солнечным мартовским днем на Востряковском кладбище, как горько плакал я тогда, хотя и понимал, что бабушка прожила свою жизнь полностью, до дна и Бог послал ей легкую смерть.

Слезы наворачиваются мне на глаза и я уже не вижу ни поломанных досок, ни разбросанных кирпичей, ни сваленных в кучу яблонь. Я вижу только бабушку. Но почему-то не здесь в саду, а в нашей старой квартире на Второй Мещанке. Я совсем маленький и прошу бабушку покатать меня на казачках. Бабушка сначала отнекивается, но после недолгих уговоров соглашается. Я залезаю на диван, а оттуда к бабушке на спину. Высокая, статная бабушка придерживает меня руками и, что-то приговаривая, легко носит меня из комнаты в комнату. Это и есть казачки. Я низкорослый и слабенький ребенок, выношенный в эвакуации в Куйбышеве и рожденный в Москве в военную зиму 42 года, когда по маминому рассказу на утро после того как она пришла из роддома вода в стакане на столе замерзла, но и я и все мои приятели из нашего громадного на полсотни квартир коммунального коридора знают, что моя бабушка самая высокая и сильная из всех бабушек. А вот бабушка в саду. За самым трудным садовым занятием - полет клубнику. Вначале бабушка не любила сад и даже не хотела "гонять туда через всю Москву". Только когда в саду появился маленький домик, а в нем печка и мы стали жить в саду по целому лету, в бабушке проснулась ее деревенская закваска и она стала без устали сажать, полоть, поливать и очень ревниво воспринимала мамины агрокультурные указания, хотя и молча признавала, что мама в семье — главная. Когда на участке построили Большой Дом, в саду появилась тетя Устинья — сестра бабушкиного мужа, а значит мамина тетя.

Я вижу как тетя Устя держит на руках годовалого Миньку, тетешкает его и гулюкает. Минька заливается таким счастливым смехом, что я да-

же начинаю ревновать, потому что у меня с Наташей он почему-то так не смеется. Это происходило здесь, в двух шагах от меня, на исчезнувшей террасе. Тетя Устя замечательная, бабушка живет с ней дружно, хотя и старается иногда показать, что она главнее. Вообще бабушка любила покомандовать, только командовать то было некем, в жизни ей не выпало подчиненных. Она родилась и прожила треть своей долгой, в 86 лет, жизни в деревне Полтевы Пеньки в сорока километрах от Кадома, районного центра Рязанской области; Полтевы по фамилии помещика, когда-то владевшего этой деревенькой, а пеньки — пеньки они и есть, родила здесь пятерых детей, двух из которых Бог прибрал совсем маленькими, делала всю деревенскую работу, ходила молиться в церковь и верила в домовых и сглаз. Ее мама, моя прабабушка была самой настоящей крепостной и как рассказывала бабушка жала на барщину серпом рожь. Бабушка рассказывала как они ходили на богомолье в Саров (сейчас там снова открывают монастырь), шли пешком, по сорок верст в день, лапти бабушка несла в руках, чтобы они не истрепались в дороге.

Как и у большинства людей родившихся в конце прошлого века, ей пришлось всякого хлебнуть и многого повидать. Бабушка оплакала своего единственного мужа, Павла Захаровича, пропавшего без вести в ополчении в 41 году в Брянских лесах, и младшего сына Витю, которого смертельно ранил немецкий снайпер, когда он стоял на посту. Он умер в госпитале и ему было 19 лет. Старший сын Ваня тоже умер когда бабушка еще жила, от рака, но как говорила бабушка "Он умер потому что две войны прошел", (т.е. Финскую и Отечественную). Бабушка никогда не видела могил Павла Захаровича и Вити, да и их и нет уже наверное, так же как она не знает, что лежит под памятником, на котором вместе с ее фотографией есть и их фото с надписью "Погибли на фронте". Прошли те времена, когда, глядя на дедушкино фото, я думал — "Еще несколько лет и я же сравняюсь с ним по возрасту." Я уже обогнал его, ему было 49. Теперь я знаю, как это в сущности немного. Я теперь старше и бабушки когда она овдовела. Проклятая война, как много она отняла у всех. Может быть даже Костя с Мишей успели бы повидать и услышать прадедушку как они повидали прабабушку. Может быть они выросли бы немного другими, и может быть послушав прадеда, им было бы легче понимать деда и отца.

Бабушкин муж, Павел Захарович, был по деревенским понятиям человеком образованным, ведь он работал сначала кондуктором на железной дороге, а потом служил в кавалерии, о чем свидетельствует фотография в семейном альбоме, где бабушка — деревенская красавица с испуганными глазами сидит между двух щеголеватых кавалеристов с пашками, в форме с ремнями и фуражках. Когда бабушка в конце двадцатых годов переехала к мужу-партейцу, так называемого рабочего призыва, в

Москву, она перестала ходить в церковь, да кажется и не очень-то верила в Бога, хотя каждый раз, когда летом в саду бушевала гроза, бабушка крестилась и приговаривала “свят, свят”, а в очень сильную грозу даже начинала шептать молитву. Мама и папа всегда очень много работали, с работы приходили поздно, при Сталине Госплан работал не только днем. Все хозяйство вела бабушка. Готовила бабушка просто, по-деревенски, конечно, без всяких подлив и прочих затей, салаты и винегреты делала только под папиным нажимом, относясь к ним весьма подозрительно. Среди родных славился ее праздничный пирог, который выпекался в круглом чуде и тесто для которого бабушка месила чуть не полдня, прибегая к моей помощи чтобы раскатывать его с помощью бутылки. Этому рецепту она научила Наташу и мои внуки в следующем веке будут его есть и, жуя его вкусную пахнущую корицей мякоть, ощущать что девятнадцатый век — это не так уж давно и в деревне Полтевы Пеньки жила их прапрапрабабушка и другие люди, для которых вкусно означало тоже, что и для них.

Бабушка была гостеприимна, но по-мужицки, могла долго и с душой угощать человека, а после его ухода мрачно заметить “И зачем его только черти принесли. Все крошки подъял”. Бабушка не прочь была схитрить. При разговоре с милиционером, а такие разговоры у бабушки бывали регулярно, потому что переходов она не признавала, бабушка по ее выражению прикидывалась душой, о чем она потом с гордостью нам сообщала. Характер у бабушки был трудный, хочется сказать неукротимый. Бабушка всегда различала своих и чужих. Своими могли быть родные, деревенские, жители нашего дома, рязанские, русские. Евреев бабушка признала лет через тридцать после жизни в одной семье с папой и даже прониклась симпатией ко многим папиным родным, хотя и не ко всем. Бабушка всю жизнь работала. Лучше сказать, работа была для нее самой естественной формой жизни. Даже садясь посмотреть по телевизору любимую передачу — Клуб кинопутешествий с Сенкевичем, она запасалась кучей нашей или детской одежды, нуждавшейся в починке или штопке. Другим сочетанием приятного с полезным, а точнее - жизненно важным, было стояние в очередях. Кто в них не стоял. Но для одних это было потерянное время, лишь слегка компенсируемое чтением, а для многих и, конечно, для бабушки это был кусок жизни с его страстями, моралью и непростым этикетом.

Бабушка замечательно говорила. Я понял, что богатая и яркая речь — не привилегия людей читающих и интеллигентных, скорее наоборот. Речь человека — это что-то очень глубокое, связанное с его натурой, с нутром, как сказала бы бабушка. А интонации ее речи я даже не пытаюсь описать.

Последние годы Бабушка сильно сдала, когда-то высокая и прямая, ходила согнувшись, неся немного впереди свою по-прежнему крупную го-

лову с зачесанными назад волосами. За полгода до смерти Бабушка переболела тяжелым гриппом и недели две не выходила из дому, что для нее было очень необычно, хотя в постели ее удержать все равно было нельзя, она рвалась что-то делать по хозяйству. Теперь я думаю, что это был не грипп, а микроинсульт, может быть после гриппа, предвестник того большого инсульта, когда придя с работы я застал ее лежащей на полу около своей постели, не могущей подняться и уже не могущей что-либо сказать, хотя было видно что она узнает нас. Через две недели после этого Бабушка тихо отошла на моих глазах.

А тогда, после гриппа, я несколько раз заставлял Бабушку стоящей с потеряннным видом около комода, как будто старающуюся что-то вспомнить. После ее смерти я нашел в комоде завернутые в платок деньги. То ли Бабушка откладывала их по обычаю на похороны, то ли они просто должны были означать как экономно она вела хозяйство, я не знаю. Бабушка ведь была простая и цельная душа, со всеми достоинствами и недостатками простых душ. Но что мне до них. Я любил ее всю, целиком, пока она жила, и так же буду любить и помнить покуда жив сам. Наверное в ней было что-то еще, что я не могу выразить, но именно поэтому мне приятно думать, что и в моих жилах есть капли Бабушкиной крови.

Солнце уже совсем опустилось. Почти ничего не видно, только громады тополей выделяются на темном фоне. От земли и даже от бревна, на котором я сижу, тянет холодом и я порядком продрог. Пора уходить. Я встаю, надеваю тяжелый рюкзак и последний раз оглядываюсь вокруг.

Прощай Сад, Прощай Бабушка.

1984 (95) г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	3
Краткая история жизни Исаака Михайловича С-нина в восьми костюмах, двух пиджаках и четырех других предметах верхней одежды, рассказанная им самим	4
Каждому свой шанс	15
Отличник Ронин	18
Котлета по имени Жизнь	25
Я хочу умереть	28
Прогулка далеко	31

Эксклюзивное издание

Редактор — Внутренний Голос
Оформление — MS-Word при участии ClickBook

Одобрено к печати Цензурою

Ея Императорского Высочества Музы Автора.

Допущено к печати 21.06.96. Вошло в печать 21.06.96. Вышло из печати 21.06.96.

Тираж 100 экз. (не считая самиздатских и пиратских)

Цена: при покупке - 5199 руб., при продаже - 5203 руб. (на 19.06.96),
в дальнейшем справляться в ближайшем обменном пункте.